

Б И Б Л И О Т Е К А

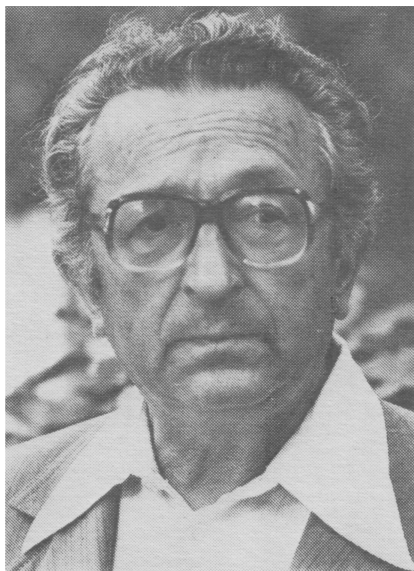
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 49

1990

Лев ОЗЕРОВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

АВАРИЙНЫЙ ЗАПАС

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 49

Издается с января 1925 года

Лев ОЗЕРОВ

АВАРИЙНЫЙ ЗАПАС

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1990

Лев ОЗЕРОВ

Родился в 1914 году в Киеве. Первые стихи появились в начале тридцатых годов в Киеве, Харькове, Москве. Посещал литературную студию, которой руководил Николай Ушаков.

В 1934 году поступил, в 1939 году окончил Московский институт истории, философии и литературы (МИФЛИ), а в 1941 году аспирантуру этого института.

Историк и теоретик литературы, преподавал в Московском университете, преподает в Литературном институте (семинар стихотворного перевода).

Книги стихов «Приднепровье» (1940), «Ливень» (1947), «Признание в любви» (1957), «Светотень» (1961), «Дороги новый поворот» (1965), «Неземное тяготение» (1969), «Далекая слышимость» (1975), «За кадром» (1978), «Думаю о тебе» (1981), «Земная ось» (1986).

Книги статей: «Работа поэта» (1963), «А. А. Фет» (1970), «Поэзия Тютчева» (1970), «Мастерство и волшебство» (1972), «Стих и стиль» (1975), «Необходимость прекрасного» (1983), «Двойной портрет» (1986), «Начала и концы» (1989), «О Борисе Пастернаке» (1990).

Много переводит и пишет об искусстве перевода.

* * *

Идут года. Творится быль.
И я о ней пою.
Летит космическая пыль
На голову мою.

И запыленный и седой
В Галактике мой след.
И я такой же молодой,
Как через двадцать лет.

* * *

Все на Земле. Вершины. Ветви.
Плоды, что вызрели в тепле.
Все на Земле. И эти ветры,
Блуждающие в полумгле.
И даже небо — на Земле.

* * *

Нашего подъезда старики
К берегам уплыли незнакомым.
Новые на лестницах шаги,
Новые жильцы владеют домом.

Тот же лифт гундосит в тишине,
Стены той же нежилой окраски,
Но внизу, как лодки на реке,
Тесно встали детские коляски.

* * *

Бывает: на исходе лета
Покажется — весна жива,
Еще земля листвою одета
И зелена еще листва.

Но в этой зелени дозрелой,
Особенно погожим днем,
Одна береза в роще целой
Осенним схвачена огнем.

И в этой роще, с виду летней,
Почуяв первый зимний дух,
Она пылает всех заметней
И раньше всех своих подруг.

Так, без оглядки на природу,
Но горестный предвидя миг,
Я тоже чувствую невзгоду
И раньше и больней других.

* * *

Чтоб не пугала бездна ночи,
Так нужен малый огонек,
Догадка, светлячок, намек
На то, что в мире одиночеств
Есть связь, и нужно плыть туда,
Где есть душа, где есть дыханье,
И нам мигает в мирозданье
На нас глядящая звезда.

* * *

Ах, этот плавный поворот пути
Во ржи,
Куда задумал ты меня вести,
Скажи?
Куда струишься, полевая
Колея?
Куда стремишься ты, петляя,
Жизнь моя?

* * *

Кем мы были на этой земле?
Кем уйдем, позабыв на столе
Незаконченной песни строку?
Кем мы были с тобой на веку?
Что мы поняли в жизни? К чему
Мы пришли? — Неподвластно уму
Бытие этих дней, этих лет.
Кто же даст мне сегодня ответ —
До того, как мы сгинем во мгле:
Кем мы были на этой земле?

* * *

Мне признаться и больно и трудно,
Что в тисках мелочной суеты
Израсходовал я безрассудно
Аварийный запас доброты.

Я берег его десятилетия
На опасную зависть врагу.
С ним на свете сумел уцелеть я,
Без него уцелеть не смогу.

* * *

Зачем нужна земная ось,
Установить не удалось.

Любого школьника спроси,
В ответ: «Земля вокруг оси...»

Храню в сознание много лет
Земную ось, которой нет.

Которой нет, хотя она
Немного вбок наклонена.

* * *

Я не хотел бы умереть весной,
Когда сирень цветет неудержимо,
Когда в бездонном небе надо мной
Седые льдинки проплывают мимо.

Не нравится мне летом умирать,
Когда кипит листва, и рдеют розы,
И зеленью горит речная гладь,
И мимо щек, звеня, снуют стрекозы.

Легко ль уйти по осени, когда
Плоды с деревьев тянутся к нам в руки?
Еще тепло, хотя прошла страда,
И некогда мне думать о разлуке.

Уйти зимой? Что может быть грустней?
Да это было бы и впрямь жестоко:
Родных заставить мерзнуть и друзей,
К тому же до весны так недалеко...

* * *

Галчонок выпал из гнезда.
Разбился. У галчат беда.

Стенает галка. Черный стон
В разрывах туч со всех сторон.

Со всех сторон, со всех концов,
От всех ворон, от всех скворцов.

Листва кричит, кусты кричат
От всех птенцов, от всех галчат.

Идет сурово туч гряда.
Гудят над полем провода.
Сигналият на море суда.

Галчонок выпал из гнезда.

* * *

Лежат очки, а человека нет.
Где человек? О, невелик секрет.
Весенний день. Лучи донельзя колки.
Как стрелы, сквозь стекло проходит свет.
А где глаза? Лежат очки на полке.
Со стенки улыбается портрет.
Лежат очки, а человека нет.

* * *

Девятнадцатый век. Восковая свеча.
Проползает монашка, молитвы шепча.
Звонкой шпорой стуча, пробегает усач.
Поднимая метель, пролетает лихач.

У церковных ворот две шеренги калек.
Девятнадцатый век, девятнадцатый век.
Завернувшийся в плащ вековой темноты,
Ходит вольный художник: мечты, о, мечты...

Одиночка-фантаст от людей в стороне
Пишет книги. Свеча восковая в окне.
Гениальный провидец сгорает в тюрьме,—
Планы, формулы, слезы в последнем письме.

Беспокойно гусиные перья скользят.
Предлагается мед, подсыпается яд...
Девятнадцатый век далеко-далеко,
А сегодняшний школьник завидно легко
Повторяет подряд имена, имена.
А историк в архиве сидит дотемна
И глядит на тетрадь из-под слипшихся век.
Девятнадцатый век, девятнадцатый век.

* * *

В глубокой ночи
И при свете дня
Приходит мысль,
Ощутима до дрожи:
Все меньше тех,
Кто старше меня,
Все больше тех,
Кто меня моложе.

* * *

Всю жизнь я собираюсь жить.
Вся жизнь проходит в ожиданье,
И лишь в короткие свиданья,
Когда немислимо решить,
Что значит быть или не быть,

Меж гордым мигом узнаванья
И горьким мигом расставанья —
Живу, а не готовлюсь жить.

* * *

Истончается нить бытия,
На которой держалась моя
Домотканая жизнь, и темно
Этих будничных дней полотно.
И сучится дрожащая нить,
И удастся ли соединить
Этот вечно снующий челнок
С той основой, что я не сберег,
И, как внешний поток, как струя,
Истончается нить бытия.

* * *

И переходит осень в белый стих.
Сперва природе не ясна задача,
И роца перемены ждет и, плача,
Не может сосчитать стволов своих.
Остановился счет, но в некий миг
Нежданно — снег, бело на белом свете,
И жизнь жива, и радуются дети,
И переходит осень в белый стих.
И ты не знаешь, где твои года
Ушедшие, и сколько их осталось,
И где там зрелость переходит в старость,
И где там наступают холода.
Ты этого покуда не постиг,
Ты в эпицентре жизни и работы,
Заботы мира — и твои заботы,
И переходит осень в белый стих.

* * *

В семнадцатом веке я был переписчиком нот.
Я рано почувствовал горький обычай длиннот
И все норовил оборвать, сократить и пресечь
Витийственно важную пустопорожнюю речь.
Но я переписывал ноты у знатных господ

И мог подорвать свой, увы, незавидный доход.
Помалкивал я, покорился и только в ночи
Брал трепетно в руки скрипичный с басовым ключи,
И вход открывал в тайники уязвленной души,
И важно писал и писал в напряженной тиши
Все то, что из сердца рвалось, что таил и берег,
Потом сокращал у себя — это делать я мог,
Так рано почувствовав: жизнь — это страшный цейтнот.
В семнадцатом веке я был переписчиком нот!

* * *

Мастеровой старинной школы,
Хранитель древнего огня,
Ты пестуешь свои глаголы,
Как прежде холили коня.

Свои эпитеты голубишь,
Свои сравненья бережешь,
Но красноречия не любишь,
Не чтишь возвышенную ложь.

Не терпишь ловкого притворства
И лесь стараешься отсечь
И предпочесть прямую речь
Всем ухищреньям стихотворства.

ГРАВЮРА НА САМШИТЕ

Мир, он контрастен при полной луне.
Тень кипариса на белой стене.
Где-то в конце затененной аллеи
Белая дверь в эту пору белее.
Сырость, что веет за белой стеной,
Утром сулит нам истому и зной.
Пена белесая в мглистом уборе.
Фосфоресцирует Черное море.
В черном провале белеет стена.
Не из окна этот взгляд, а со дна
Моря глядит одинокое око
То ли художника, то ли пророка.

* * *

Виолончельный звон пчелы —
Непостижимая наука.
Мне близость жалищего звука
Трудна, как въедливость пилы,
Как пыль строительного стука,
Как стрекот лживой похвалы,
Как гневное упорство дрели,
Пронизывающей меня.
Я слышал их из колыбели.
Меня те звуки на пределе
Замучили и одолели
На склоне жизненного дня.

РОМАН В ТРЕХ ЧАСТЯХ, С ЭПИЛОГОМ

Нескладица жизни. Она в разводе.
Он женат. Теща больна.
Куртка легкая не по погоде.
Рыжая крашеная седина.
Негде встречаться. Зал ожидания.
Суетно. Смутно. Старый подъезд.
Метели надсадное завыванье.
Кинотеатр на триста мест.
Тревожно. Что-то должно случиться.
Жена нападает на тайный след.
И наконец городская больница.
Можно встречаться. А жизни нет.

* * *

Старик Гомер не ведал окулистов,
Хотя был слеп, он в пенье был неистов
И двадцать строк гекзаметра подряд
Произносил — огромен был заряд
Его поэм, собрание аэдов
Могло бы их поднять, векам поведав.
Старик Гомер не ведал полумер,
Гекзаметром орудовал Гомер,
А это был размер для великанов.
В ту пору не было еще романов,
Еще морская ширь рождала стих,
Скорей всего для слуха, не для книг.
А слух был чуток, слушатель — спокоен,
Школяр, ремесленник, философ, воин.

* * *

Это старость или страсть,
Или юная напасть,
Или это вызов к бою,
Или это над собою
Необузданная власть?

Я не знаю — что к чему,
И себя я не пойму,
Почему-то по-другому
Я хожу от дома к дому,
Как от света в полутьму,

Как из тьмы на белый свет.
Вот нас двое, третьих нет.
Если эти двое вместе,
Все на свете честь по чести —
Так бы до скончания лет.

Нет, не старость это — страсть,
Что не даст двоим пропасть,
Это верно — вызов к бою,
Это верно — над собою
Необузданная власть.

* * *

Скрипя в дороге дровнями,
Под сенью облаков
«Среди долины ровныя»
Слагает Мерзляков.

В минуты одиночества
Он тянется к листку,
По имени и отчеству
Окликнет он тоску.

Забудет каждодневное,
Замолкнет в тишине,
И песня та душевная
Взойдет в голубизне.

Польется — не с похмелия,
Медлительно — не вскачь,
И столько в ней веселия,
Что тут же хоть заплачь.

* * *

Я не люблю читать подряд,
А наугад —
Поскольку строчки не парад,
А дикий сад,
Поскольку строчки не на счет,
Они без счета.
Труднейшая из всех работ —
Моя работа.
Легчайший изо всех трудов,
Сладчайший мед.
С ним забываешь счет годов,
И день, что год.

* * *

Спуск на воду нового судна
Эпически-медленно, трудно,
Подобно тому, как в тиши
Рождается песня подспудно
На верфи творящей души.

* * *

Есть музыка неба ночного,
Когда зажигаются звезды,
И это, конечно, не ново.
И песней пронизанный воздух
Трепещет как листья под ветром.
Есть музыка звездного неба.
Она по всему безответна,
Она — если вслушаться — нема.
Когда я стою просветленный,
Один на один со вселенной,
Мне слышится гимн отдаленный,
Чудесный и обыкновенный.

Я хотел было ринуться к высям,
Но меня накренила беда.
Работящ, молчалив, независим,
Испытал я веселье труда.

И меня не сломили недуги,
Были заняты обе руки,
И враги поступали, как други,
И друзья перешли во враги.

Жил рискованно, горестно, страстно
На границе несносных времен,
Как Пизанская башня, опасно
К горемычной земле наклонен.

КНЯЗЬ ПЕТР АНДРЕЕВИЧ

Князь был беспечен. Светский раут.
Свиданье. Чайный разговор.
Остроты — те, что повторяют.
Пустая молвь. Словесный сор.
Княгиня ждет. Им впору вместе
Побыть, но «это не про нас».
А между прочим, каждый час
От Пушкиных худые вести.
Князь простодушно полагал,
Что это светская интрижка,
Пройдет, отсюда — чувств излишка
Не тратил он на сей скандал.
Он полуслушал, полуспал.
Но смерть есть смерть. Она сказала
Все, что никто не скажет. Гроб
Несут. Как бледен этот лоб!
Князь Вяземский глядит устало
И очумело на поток
Идущих тихо вслед за гробом,
И вдруг он рухнул поперек
Несущих гроб...

Таким особам
Из высших сфер, увы, нельзя
Так падать... Все-таки — князя,

Притом удельные, при этом
Сам именуется поэтом,
И впрямь поэт, и вправду друг,
Что стар и лучше новых двух.

* * *

Я не предок. Я — потомок,
Голос отроческий ломок,
Переходная пора!
Снова мальчик, снова школьник,
Страсти пленник и невольник,
Данник кисти и пера.
Я наполнился годами,
Но умением и трудами
У начала я стою.
Весь мой опыт мне не нужен,
Служит он врагу, как ужин,
Завтрака не отдаю.
Жизнь, сказали, на излете.
На излете? — Я в работе,
Я хочу свое сказать.
Что удастся напоследок?
Я потомок, а не предок,
Начинаю жизнь опять.

* * *

У самой нашей колыбели
Гудела первая война,
Едва мы вырасти успели —
Опять война, еще одна.

Былинами казались были,
Не отпускала нас беда,
И нам покоя не сулили
Европы трудные года.

И пережившим годы эти,
Прошедшим море по волнам,
Нам удивятся наши дети,
А внуки не поверят нам.

* * *

Листва закипает, как наши двадцатые,
Когда Маяковский с Асеевым в дружестве
Писали стихи о любви и о мужестве,
Ходили обритые и не усатые,
Когда Пастернак в бормотанье восторженном,
Стремительном, миротворяще-встревоженном
Слагал свои строки и тут же выбрасывал,
Сквозь жизнь пробираясь движением брассовым,
Когда над Есениным рдяными красками
Пылали все зори рязанские истово,
И Хлебников числа свои перелистывал
И впроголодь пел, детворою облаканный.
Листва закипает, как годы начальные,
Уже отдаленные дымкой забвения,
И новые к жизни идут поколения,
Но листья кипят, будто годы те дальние,
Те годы начальные, годы двадцатые:
Мы нищие были, мы были богатые.

* * *

Так это и есть старость?
Да это же просто усталость,
Которую можно избыть,
Словно воды испить.

Когда наступает старость,
Не думать, сколько осталось,
А жить как в начале дней,
Только еще полней.

* * *

В вечерний час пришло мне это:
Огонь небес давно б угас
И не блистали б краски лета,
Когда бы не сокрытый в нас
Невидимый источник света.

* * *

Растаяла в копытном звоне
Та песнь, которую певал.
Что я успел? Где я бывал?
От лихолетья, от погони
Куда вы проскакали, кони?
Какой остался перевал?
Жизнь на последнем перегоне.
Я жить еще не начинал...

* * *

Так это просто, а сердце радо.
Необычайно. Обыкновенно.
Порванный занавес снегопада
Опускается постепенно.

То ли блестки, то ли прорехи,
За которыми веет бездна.
Может, в воздухе есть помехи
Для снегопада, — мне неизвестно.

Занавес, траченный молью, долгов
И неогляден, как этот город.
То ли открылся звездчатый полог,
То ли презент, который распорот.

Кажется, звуков не слышно в мире,
Но вслушайся, как, начинаясь с неба,
Разворачивается все шире
Песня на землю упавшего снега.

Над белизною зимнего сада,
Над полососою зимнего леса —
Нескончаемого снегопада
Опускающаяся завеса.

* * *

Последний снегопад,
Последний снегопад.
Он будто не ко времени,
Он словно невпопад.
Огромный маховик
Вращается весь день,

И — никаких новинок,
И — никаких вестей.
Одна и та же песнь,
Одни и те ж слова
О том, что жизнь жива,
О том, что жизнь права.
Мельканье белизны,
Мерцанье синих звезд,
Как бы напоминанье.
Что мир донельзя прост,
Он как виденье, снег,
Он упоенье, снег,
Его молчанье — музыка,
Его сиянье — смех.
Есть у него свой строй,
Есть у него свой лад,
Последний снегопад,
Последний снегопад.

* * *

Есть такое присловье древнее,
Оно мне вспомнилось в эти дни:
Одно поколение сажает деревья,
Другое блаженствует в их тени.

Есть у меня добавленье к теме,
Вернее, тему я так бы решал:
Тот ощущает блаженство тени,
Кто сам деревья эти сажал.

* * *

Подозрительный лепет листвы накануне грозы.
Поздний звон стрекозы опускается вниз, на басы
Перекатных громов, что вязанками дров в небесах
Глухо падают так, что и лес голосит на басах.
И сливаются все голоса в голошенье одно.
Распахнулось окно и закрылось, и стало темно.
И когда уже ждать невтерпеж — полоснуло светло,
И в отчаянном темпе — по листьям, по травам пошло.
Это было как радость, как слезы, — вздох и врасплох.
Это было как вздох облегченья на грани эпох.

* * *

Какая слышимость в июле!
Шмели проносятся, как пули,
Вблизи лиловый колокольчик,
Как колокол в ночи, клокочет,
И крылья бабочки летящей —
Как дуновенье ветра в чаще...

Какая слышимость в июле!
Ребята нехотя уснули
И так раскинулись в дремоте,
Как будто бы они в полете.
Уснули дети. Но сквозь дрему
Их сны скитаются по дому,
Их кеды на Памир шагнули.
Какая слышимость в июле!

* * *

Раздумьем заштрихованные дали.
Печали наплывающий туман,
Березовую рощу увидали —
И сразу говорим мы: Левитан!

Увидели деревню в день осенний,
Над красным кленом бледную луну —
И, вглядываясь зорко в тишину,
Мы повторяем про себя: Есенин!

Сиреневые складки Арарата,
Клубится зной и зреет виноград,
И вечер, и закат — как сок граната.
«Сарьян!» — с улыбкой люди говорят.

Природа тем ничуть не смущена,
Глядит, с невозмутимостью приема,
Как мы свои даруем имена
Ее лесам, и пажитям, и землям.

* * *

И смерть вроде стала обычным обрядом.
Ложатся в могилу стоявшие рядом.

И жизнь заставляет привыкнуть к потерям.
И новым друзьям неохотно мы верим.
И вот мы подходим к последнему краю.
А что там за ним — я не знаю, не знаю.

* * *

Как моря синий цвет неодинаков,
Так разнолика в яркости своей
Огромная долина красных маков,
Открывшаяся в прорези ветвей.

Долина резко убегала в дали,
И плыл огонь туда — на край земли,
Где облака летучие пылали,
Как поднятые в небо корабли.

Земли и неба двуединый пламень
На все, что встретил по дороге, лег
И обагрил в тревоге каждый камень,
И каждый лист, и каждый бугорок.

И я, стоящий за багряной кромкой
Долины маков, на исходе дня
Почувствовал, как празднично и громко
Природа опрокинута в меня.

* * *

Березка тянулась, как струйка табачного дыма,
Тянулась, струилась, а было вокруг нелюдимо,
И некому было заметить, как в час предвечерний
Седые волокна ветвились в голицынской черни.
Полоска, дымок, сизоватая струйка, дыхание,
Тебя увидел я, березка, один на прощанье.
Не деревце струйкой взбиралось мечтательно в гору —
Печаль моя так выражала себя в эту пору.
Струилась, тянулась, ветвилась невнятная дымка,
Дремотный намек, полусон, полуявь, невидимка.

* * *

Вишневый сад белеет в темноте.
Вишневый сад. А времена не те.

Вишневый сад. Забыли человека.
Стучит топор. Прошло всего полвека,
А век не тот. В надзвездной высоте
Летит земной детеныш по орбите.
Следите, как летит он! И — не спите!
Вишневый сад белеет в темноте.

* * *

Люблю старинные ремесла,
Когда в поселке над рекой
Один выстругивает весла,
Вытачивает руль — другой.

А третий — поднимает парус,
И вот они плывут втроем,
И, пенясь, отступает ярость
Перед уменьем и трудом.

* * *

О чем лопочет дерево другому,
Такому же, как и оно, живому?
О чем береза клену говорит?
А что ореху нашептал самшит?
Мы тщимся разгадать хотя бы слово
Лугов и рощ, подлесков и садов,
Но это слово племени иного
И чуждое созвучью наших слов.
Оно дыхание, и оно шептанье,
Оно как трепет, и оно как стон.
О чем кусты хотят на расстояние
Другим кустам сказать, для нас — как сон,
Необъяснимо, если сон и вещий.
Но чувствую: душой хочу сберечь
То нежный, то суровый, то зловещий
Язык деревьев, их потайную речь.

* * *

На пряди разделенный водопад
Пузырится над камнем. Добела

Он раскалится. Серая скала
За ним сверкает радужно, как сад,
Где яблоки румяные висят.
Из некой бездны водопад во тьму
Обрушивается, рождая гром.
Мы жёстами беседуем. К чему
Беседовать, когда он всем нутром
Так говорит. Немного отойдем.
Вся жизнь моя с гудением воды,
С броском тигриным воли, с крутизной,
С отвагою, с предчувствием беды,—
Вся жизнь моя предстала предо мной.
Предстала предо мною в полный рост —
Не параллель, не басня, не намек,
А между небом и землею мост,
Который я преодолеть не смог.

* * *

У моря не надо спрашивать,
Море не отвечает.
Ничего нет страшного
В крике приморских чаек.

Не надо у моря выпытывать,
Какая у него дума.
В ропоте спит оно,
Просыпается с шумом.

Днями оно и ночами
Приходит — уходит вспять,
Хочет, чтоб мы молчали,
Не мешали ему не молчать.

* * *

Яблоки туго скрипят на возу.
Волга слепит за листвою внизу.
Плотный и терпкий запах и скрип.
Соты медовые в ворохе лип.
Плотный и терпкий день над рекой.
То ли беспамятство, то ли покой,

То ли мгновенье густой тишины
В мире, встревоженном до глубины.
Выдастся за год единственный раз
Плотный и терпкий миг, а не час.

* * *

Березы в сумерках синели.
Они так яростно светлы,
Так в полумраке пламенели
Их невесомые стволы.

Они, казалось, не вздымались
С земли, как близлежащий лес,
Они спокойно опускались,
Как соколы, с седых небес.

Они сквозь зелень голубели,
К себе приковывая взор,
Но, кажется, не мы глядели
На их мерцающий собор —

Они белками голубыми
Так широко раскрытых глаз
В плывущем сумеречном дыме
Смотрели пристально на нас.

* * *

Повсюду пахнет яблоком лежалым,
Сентябрь задумчив:
Скоро в дальний путь,
И выглядит он августом усталым,
Что захотел от зноя отдохнуть.

Он не похож на осень.
Нет, скорее
В нем лето сноп лучей своих зажгло.
И это небо светит, да не греет.
Не греет?
Отчего ж душе тепло?!

* * *

Люблю тебя, Петра творенье!

Пушкин

Как трудно расставаться мне с тобой,
Великий город с областной судьбой!

Все, что могли, забрали мы в Москву,
Но невскую забыли синеву.

В вагоны не грузили мы пока
Иглу, упершуюся в облака.

И ночи белые на северной земле
Мы не сумели увезти в «Стреле».

* * *

Как дальше жить?
Как дальше жить?
Еще пять тысяч строк сложить,
Еще пять тысяч дней служить,—
За новым сроком новый срок,
И сто тревог, и сто дорог...
А дальше, дальше —
Как мне жить?

Из почки в мир пробьется лист,
А осенью под ветра свист
Сорвется он — и в небосклон
Звездой земною вознесен.
Ему лететь, ему кружить.
А мне, а мне —
Как дальше жить?

Как дальше жить,
Когда мой друг,
Ссылаясь лживо на недуг,
На недосып, на недосуг,
Глаза потупив, стороной
Проходит и когда — стеной —
Между подругою и мной
Встает непроходимый быт,

И вырастает холм обид,
И заслоняет от меня
Мою любовь — сиянье дня,
Велит забыть ее, остыть...
Скажите мне — как дальше жить?!

Недолгий срок отпущен мне,
А я хочу успеть вдвойне,
А может быть, еще втройне
Осуществиться, сотворить,
Все силы до конца избыть
И чашу — всю до дна — испить.
Пока я не сгорел в огне,
Мне надо не спеша спешить,
И в суете и в тишине
Я должен многое решить —
Как дальше жить.
Как дальше жить?

О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Она пришла — неведомая сила.
Я раньше видел мир,
Себя я видел в нем.
Все это — зачеркнула, упразднила
И полоснула по сердцу огнем.

На свете не найти сильнее напитка:
Гляжу — она идет, как снег, слепа...
Мне первая любовь — как первая попытка
Отказа от себя, забвения себя.

* * *

По обе стороны стола —
Сидим вдвоем,
И тенью боль моя легла
На лбу твоём.

Как ни таись, как ни таи —
Вдвоем всегда,
И на плечи легла мои
Твоя беда.

* * *

Немо горит в окне огонек;
Звезды немы.
Где мы, когда человек одинок?
Где мы?
Где мы, когда он, уставясь во тьму,
Ищет совета?
Где мы, чтоб вовремя выйти к нему,
Ждущему где-то?
Сколько раз мы с тобою клялись
В чуткости к другу?
Что же ты далью счел эту близь,
Спрятал за спину руку?
Взял да забился в свой уголок,
Пишешь поэмы...
Где мы, когда человек одинок,
Где мы?..

* * *

У матери была одна отрада,
Одна любовь у матери была:
Стоять среди светящего сада
И слушать звуки дятла и щегла.

И видеть, как за сонными ветвями
Идет, смелее, ширится рассвет,
И так, сверкая ясными глазами,
Она стояла до скончанья лет.

Седой ребенок — чистый и наивный, —
Состарилась она, не повзрослев.
О, как глядела, радуясь, на ивы.
На их листвы мерцающий напев.

Тебя спрошу я, мать, какая сила
Тебе внушала: думай и внемли!
Как, столько отстрадав, ты сохранила
Такую веру в красоту земли.

* * *

За кипарисами морская синь.
Лазоревая крымская теплынь.

О, сколько раз еще мне суждено
Выпрыгивать в Байдарское окно,

Соскальзывать неосторожно с гор
И падать на ступенчатый Мисхор!

Слоистый пляж — песочные часы.
Такой я навидался здесь красы,

Что позабыл, в какое время дня
Не станет будущего для меня.

Хотел я вспомнить, но никак не мог,
Какой такой в Экклесиасте слог,

Зато прочитывал я письмамена,
Которые несла ко мне волна.

Зато на кромке пенистой воды
Взахлеб читал в песке твои следы.

* * *

Как птица, вдруг взлетевшая с насеста,
Как ветерок, забредший в камыши,
Шопен — свобода внутреннего жеста,
Раскованность чувствительной души.

Молчит. Он убедителен без крика.
Он шепчет и в саду гремит листвою.
Не беспокойте пана Фредерика,
И без того с утра он сам не свой.

Не легче ли с гудящим океаном
Или с грозой, чем с сердцем, совладать?
Он в этом поединке постоянном.
Он победил. И побежден опять.

Ему нужна баллада, а не ода,
Он в вальсе горечь выразит свою.
Ценою жизни куплена свобода
У каждодневной смерти на краю.

* * *

Сперва, когда ему лет десять,
Предупредят: не куролесить!
А на пороге двадцати
Подскажут: тише! не шути!
А в тридцать буркнут: меток, зорек,—
И в молодых ходить велят.
А дальше: подзатыльник в сорок
И однотомика в пятьдесят.

* * *

И Пушкина полдни,
И Тютчева ночи —
Нет суток длиннее,
Нет суток короче,
Рабочие сутки
Поэзии русской
С земною поклажей,
С небесной нагрузкой.

ПРИТЧА О СКАЗОЧНИКЕ

Ханс Кристиан Андерсен был небогат,
Как все, кто в сказке живет.
Он шел по саду. Сияющий взгляд.
Восторженный взгляд. Но вот —
Прохожий, малый неведомых лет,
Кинул в недобрый час:
— На голове Вашей жалкий предмет
Зовется шляпой у вас?

Андерсен весь доброта и привет,
Но голос возвысил свой:
— А этот под шляпой жалкий предмет
Зовется у Вас головой?

* * *

Далекий отсвет пушкинской плеяды,—
Нам вряд ли увидеть другой такой.
Не своды, не колонны, не аркады,
А правда чувств в строке и за строкой.
И между строк пробелы и просветы,

Как между звезд, как в сонмище планет,
Откуда говорят со мной поэты
Не отошедших, а грядущих лет.

* * *

До катастрофы года за три,
Не ведая, где враг, где друг,
В анатомическом театре
Проводит Гамлет свой досуг.

Он к недругам приходит на дом,
Их зазывает на пиры.
Еще патологоанатом
Безмолвствует в нем до поры.

Над бездной золотится полог,
Но жизнь идет — игра с огнем.
Еще скептический психолог
Покуда не проснулся в нем.

Есть мать с отцом. И — длится праздник,
И Гамлет (этакая прыть)
Не задает вопросов разных —
Быть иль не быть... Он хочет быть!

Осиротев, он суть сиротства
Познает в сонмище людей,
Но на душу не примет скотства,
Что смерти горше и лютей.

ИЗ ВЕРЕНИЦЫ ЧЕТВЕРОСТИШИЙ

* * *

На берегу морском лежит весло
И больше говорит мне о просторе,
Чем все огромное взволнованное море,
Которое его на берег принесло.

* * *

О тебе я хочу думать. Думаю о тебе.
О тебе не хочу думать. Думаю о тебе.

О других я хочу думать. Думаю о тебе.
Ни о ком не хочу думать. Думаю о тебе.

* * *

Пренебрегая словесами,
Жизнь убеждает нас опять:
Талантам надо помогать,
Бездарности пробьются сами.

* * *

Сквозь пламень строк душа пропущена.
Ну, а царей-то помним много ли?
Из Александров — только Пушкина,
Из Николаев — только Гоголя.

* * *

Наш век кончается. К чему слова!
Взрывается тротил. Растет трава.
Как говорится: горе — не беда.
Тяжелый хлеб. Тяжелая вода.

СОДЕРЖАНИЕ

«Идут года. Творится быль...»	3
«Все на земле. Вершины. Ветви...»	3
«Нашего подъезда старики...»	3
«Бывает: на исходе лета...»	4
«Чтоб не пугала бездна ночи...»	4
«Ах, этот плавный поворот пути...»	4
«Кем мы были на этой земле...»	5
«Мне признаться и больно, и трудно...»	5
«Зачем нужна земная ось...»	5
«Я не хотел бы умереть весной...»	5
«Галчонок выпал из гнезда...»	6
«Лежат очки, а человека нет...»	6
«Девятнадцатый век. Восковая свеча...»	7
«В глубокой ночи...»	7
«Всю жизнь я собираюсь жить...»	7
«Истончается нить бытия...»	8
«И переходит осень в белый стих...»	8
«В семнадцатом веке я был переписчиком нот...»	8
«Мастеровой старинной школы...»	9
Гравюра на самшите	9
«Виолончельный звон пчелы...»	10
Роман в трех частях с эпилогом	10
«Старик Гомер не ведал окулистов...»	10
«Это старость или страсть...»	11
«Скрипя в дороге дровнями...»	11
«Я не люблю читать подряд...»	12
«Спуск на воду нового судна...»	12
«Есть музыка неба ночного...»	12
«Я хотел было ринуться к высям...»	13
Князь Петр Андреевич	13
«Я не предок, я — потомок...»	14
«У самой нашей колыбели...»	14

«Листва закипает, как наши двадцатые...»	15
«Так это и есть старость?..»	15
«В вечерний час пришло мне это...»	15
«Растаяла в копытном звоне...»	16
«Так это просто, а сердце радо...»	16
«Последний снегопад...»	16
«Есть такое присловье древнее...»	17
«Подозрительный лепет листвы накануне грозы...»	17
«Какая слышимость в июле!..»	18
«Раздумьем заштрихованные дали...»	18
«И смерть вроде стала обычным обрядом...»	18
«Как моря синий цвет неодинаков...»	19
«Березка тянулась, как струйка табачного дыма...»	19
«Вишневый сад белеет в темноте...»	19
«Люблю старинные ремесла...»	20
«О чем лопочет дерево другому...»	20
«На пряди разделенный водопад...»	20
«У моря не надо спрашивать...»	21
«Яблоки туго скрипят на возу...»	21
«Березы в сумерках синели...»	22
«Повсюду пахнет яблоком лежалым...»	22
«Как трудно расставаться мне с тобой...»	23
«Как дальше жить?..»	23
О первой любви	24
«По обе стороны стола...»	24
«Немо горит в окне огонек...»	25
«У матери была одна отрада...»	25
«За кипарисами морская синь...»	25
«Как птица, вдруг взлетевшая с насеста...»	26
«Сперва, когда ему лет десять...»	27
«И Пушкина полдни...»	27
Притча о сказочнике	27
«Далекий отсвет пушкинской пляды...»	27
«До катастрофы года за три»	28
Из вереницы четверостиший	28

ОЗЕРОВ Лев Адольфович

АВАРИЙНЫЙ ЗАПАС

Стихи

Редактор О. Н. Хлебников

Технический редактор Т. Я. Ковыненкова

Сдано в набор 22.09.90. Подписано к печати 19.10.90. Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Усл. кр.-отт. 1,58. Уч.-изд. л. 1,42. Тираж 150 000 экз. Зак. № 2838. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● Заботой о подрастающем поколении продиктовано страхование детей от несчастных случаев. Оно оформляется договором сроком на один год с родителями и другими родственниками ребенка на сумму не менее 1000 рублей.

● Застраховать можно детей в возрасте от 1 года до 16 лет.

● Страховая сумма выплачивается полностью или частично, если произойдет беда и ребенок получит травму, ожог, обморожение и т. д. В случаях, когда непрерывное лечение ребенка из-за травмы продолжалось больше 10 дней, выплачивается разовое пособие.

● Получить более подробную информацию об условиях и заключить договор страхования можно у агента, обслуживающего Ваше предприятие, организацию или учреждение, а также в инспекции государственного страхования. Страхового агента можно пригласить на дом.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАХОВАНИЕ СССР.
ПРАВЛЕНИЕ.**